

МОТИВ ПАМЯТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕИ. ШМЕЛЕВА

И Г. ГАЗДАНОВА

Игнатив Н.Е.

Львовский национальный университет имени Ивана Франко

Аннотация: В работе рассматриваются особенности реализации мотива памяти в автобиографической прозе представителей русской литературной эмиграции Ивана Шмелева и Гайто Газданова. Акцентируется внимание на том, что память способствует воссозданию пережитого, она является возможностью актуализировать самые яркие моменты жизненной судьбы, особенно всего того, что связано с формированием тяготения к творчеству.

Ключевые слова: автобиографическая проза, жанр, память, воспоминание, автор-повествователь.

В творческом наследии Ивана Шмелева и Гайто Газданова, представителей старшего и младшего поколений первой волны русской литературной эмиграции, особое место занимает тема возвращения в прошлое, звучит осмысление первых проявлений тяготения к творчеству. «Образ памяти, – как замечает исследователь Н.А.Николина, – один из сквозных образов автобиографических произведений. Его конструктивная роль проявляется в регулярных повторах образных средств, характеризующих память, в обращениях к памяти, включенных в текст...» [3, с. 80].

Весьма важным элементом в повествовательной манере И.С.Шмелева является обращение памятью к далеким годам детства, ко времени, с которым связано формирование личности писателя: тот или иной запечатленный в сознании фрагмент жизни вызывает целую картину воспоминаний из далекого прошлого, из особой атмосферы отцовского двора в милом писателю Замоскворечье. Эти упоминания о давно пережитом и отраженном в памяти возникают совершенно неожиданно – например,

молодой паломник, студент, герой книги «Старый Валаам», совершивший паломничество в монастырь, вслушивается в пение монахов: *«Поют старинным, «знаменным» распевом – валаамским. Слышится мне народное, простое, трудовое, – и грусть, и вскрики. И голоса – простые, простонародные. Слышится мне родное: певали так артелью у нас, бывало... Мне нравится»* [5, с. 872-873].

Как замечает Т.Буслакова, автобиографическая основа образа повествователя, «в котором соединяются и студент, которому «чуждо многое», но кто готов к открытию «чудесного», и путешественник во времени, вспоминающий о Валааме «четыре десятилетия» спустя (гл.11), проявлена в повествовании (названо даже имя писателя и приведено в тексте письмо к нему читателя его «первой... книжки, юной, наивной немножко...» – гл.8)» [1, с. 55]. Столь своеобразная «открытость» книги способствует непосредственному влиянию на читателя, усиливает живой диалог через десятилетия.

Особенно важным моментом авторского повествования о состоявшихся в монастыре встречах, впечатлениях и ощущениях является отражение картины, которая внесла в душу молодого паломника совершенно неожиданные для него самого настроения: журавли, пролетая над Валаамом, своими призывными звуками словно сообщали ему о чем-то новом, намекали на что-то. Много лет спустя, припоминая это мгновение и мысленно возвращаясь в столь далекие и светлые времена юности, автор-повествователь подчеркнет: *«Думал ли я тогда, у лесной часовни, что все это как-то отзовется в жизни, как-то в нее вольется и определится? И вот, определилось. Связал меня Валаам с собой. Вспоминается слово, сказанное нам схимником о. Сысоем, в скиту Коневском, несознанное тогда, теперь для меня раскрывшееся: «Дай вам Господь получить то, за чем приехали»* [5, с. 967].

Далее читателю открывается история поисков героя-повествователя: столь тягостная для него в период становления чиновничья служба

совершенно неожиданно завершается осмыслением того, что ему дано иное предназначение – на берегу реки Клязьмы, куда молодой человек пошел, чтобы убежать от себя, забыться, он вдруг вспомнил Валаам с его святой тишиной и уже совсем неожиданно для себя самого услышал, «как в лесах на Валааме... далекий-далекий звон, особенный звон, с подтреском, будто на деревянных струнках перебирает кто-то...ближе, громчей, слышней... Вспомнилось – журавли?! ...Все позабыв, мыслью я уносился с ними в голубизну... Не думая, не сознав– нашел. Эти две «встречи» слились в одно. С того и началось писательство» [5, с. 965-966].

Воспоминания о пребывании в монастырской обители в едином русле отражают впечатления разных периодов жизни героя-повествователя – его детских лет в Москве (что стало предметом подробного описания в книгах «Лето Господне» и «Богомолье»), пребывания на Валааме во время свадебного путешествия и того сложного времени, когда он навсегда был оторван от родной земли.

Гайто Газданов, младший современник И.С. Шмелева, повествуя в автобиографических произведениях о своем прошлом, также стремится воссоздать с помощью цепочки ассоциаций те образы и картины, которые особенно ярко сохранились в его памяти. Фрагментарность писательского текста отражает «сознательную установку автора на самонаблюдение, на постижение бессознательного и автопсихоанализ» [3, с. 397].

Герой автобиографического романа «Вечер у Клэр» буквально живет воспоминаниями, он воскрешает мир прошлого и осмысление этого прошлого является для него своеобразным способом существования – без всего этого он не мыслит себя, для него это уже привычное состояние и даже больше – образ жизни. В то же время жизнь героя романа «Вечер у Клэр», как и героев двух последующих автобиографических романов Г. Газданова («История одного путешествия» и «Ночные дороги», – это своего рода цепочка путешествий, среди которых особое место отведено путешествиям в глубины памяти. «Сама экзистенциальная прихотливость и как бы

бессмысленная преходящность таких «путешествий»... рождали и особую романную поэтику фрагментарности, обрывов повествования, – указывает С.Семенова, – когда по ассоциации, по какому-то всполоху памяти или зацепке мгновенного впечатления наворачивается новый, часто неожиданный виток несущегося сквозь роман потока сознания героя...» [4, с. 82].

Герой романа «Вечер у Клэр» размышляет о своеобразии памяти, подчеркивая при этом: *«Она вообще была самой несовершенной моей способностью, – несмотря на то, что я запоминал наизусть целые печатные страницы. Она покрывала мои воспоминания прозрачной, стеклянной паутиной и уничтожала их чудесную неподвижность; и память чувств, а не мысли была неизмеримо более богатой и сильной. Я никогда не мог прийти до первого моего ощущения, я не знал, каким оно было»* [2, с. 27].

Характерно, что автор-повествователь говорит о наступлении периода, когда он *«потерял себя»* [2, с. 29], непрестанно уходя в мир прошлого, стремясь возобновить в памяти фрагменты пережитого, а в дальнейшем и вовсе перестал видеть себя в картинках, которые рисовало воображение, а увлекся чтением: *«...я был слишком равнодушен к внешним событиям; мое глухое внутреннее существование оставалось для меня исполненным несравненно большей значительности»* [2, с. 27].

Акценты героя романа на своеобразии памяти, на том, какие пути и способы припоминаний были свойственны ему, довольно часто встречаются на страницах романа. Особыми были возможности зрительной памяти Николая Соседова, удивительным образом запечатлевшей яркие картины из прошлого: *«После Джанкоя и зимы в моей памяти возникал Севастополь, покрытый белой каменной пылью, неподвижной зеленью Приморского бульвара и ярким песком его аллей»* [2, с. 95]. В памяти героя отражается своеобразная музыка событий разных лет: преодолевая время и пространство, он представляет читателю таким образом удивительную вязь ярких, незабываемых картин прошлого.

Как видим, процесс припоминания, неотступное желание осмыслить и разграничить определенные периоды осмысления себя в мире, – все это предстает в автобиографической прозе И.Шмелева и Г.Газданова в качестве открытого для читателя, последовательного в своей глубине хода естественных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья. М.: Высш. школа, 2003.-365 с.
2. Газданов Г. Вечер у Клэр: Романы и рассказы. – М.: Современник, 1990. – 591 с. 3. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта; Наука, 2002. – 423 с.
3. Семенова С. Экзистенциальное сознание в прозе русского зарубежья (Гайто Газданов и Борис Поплавский) //Вопросы литературы. – 2000, май-июнь. – С.67–107.
4. Шмелев И. С. Лето Господне. Избранное. – М.: Изд-е Сретенского монастыря, 2004. – 1135 с.